

Парень из Колорадо

Автор:

Стивен Кинг

Парень из Колорадо

Стивен Кинг

Темная Башня

На маленьком острове близ побережья штата Мэн найден труп молодого мужчины, но при нем не обнаружено никаких документов.

Кто он? Что привело его в уединенное место? И действительно ли, как утверждает полиция, причиной смерти стал несчастный случай?

Два местных журналиста решают раскрыть тайну гибели незнакомца самостоятельно. Но чем дальше продвигается их расследование, тем больше возникает вопросов и тем меньше на них ответов...

«Парень из Колорадо» – захватывающий роман, написанный в лучших традициях классического американского детектива. Стивен Кинг вновь доказывает – его «фирменный стиль» хорош для любого жанра.

Впервые на русском языке!

Стивен Кинг

Парень из Колорадо

С восхищением – Дэну Дж. Марлоу, автору романа «Имя игры: Смерть». Самый крутой из всех крутых детективов

Stephen King

THE COLORADO KID

© Stephen King, 2005

© Перевод. В. Вебер, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Как только журналисту из «Бостон глоуб» стало понятно, что из этих двух стариков, составлявших штат «Островного еженедельника», ничего интересного не вытянешь, он посмотрел на часы и прикинул, что успеет – если поторопится – к парому, отплывающему на материк в половине второго. Поблагодарил за время, которое ему уделили, положил на скатерть две купюры, придавил солонкой, чтобы их не унес порыв бриза, и поспешил вниз по каменным ступеням: из внутреннего дворика «Серой чайки» к Бэй-стрит и маленькому городку внизу. Что же касается молодой женщины, сидевшей между стариками, то по ходу разговора она – точнее, ее грудь – удостоилась лишь нескольких беглых взглядов гостя.

Едва журналист «Глоуб» отбыл, Винс Тиг перегнулся через стол, вытащил купюры – обе по пятьдесят долларов – из-под солонки и с выражением глубокого удовлетворения сунул их в накладной карман старого, но вполне пристойного твидового пиджака.

– Что вы делаете? – спросила Стефани Маккэнн. Она знала, как нравилось Винсу шокировать, по его терминологии, «ее юные косточки» (если на то пошло, это нравилось обоим старикам), но на этот раз не смогла сдержать удивления.

– А на что это похоже? – Винс выглядел еще более удовлетворенно. Он погладил клапан кармана, в котором исчезли деньги, и отправил в рот последний кусок сэндвича с лобстером. Потом вытер губы бумажной салфеткой и ловко поймал оставленный журналистом пластиковый нагрудник для поедания лобстеров, когда особенно сильный порыв соленого ветра попытался его унести. Шишковатая от артрита рука казалась гротескной, но проделал он все это весьма проворно.

– Мне кажется, что вы прикарманили деньги, оставленные мистером Хэнретти на оплату нашего ланча, – ответила Стефани.

– Ага, зрение у тебя хорошее, Стефф, – согласился Винс и подмигнул второму старику. Дейв Боуи выглядел ровесником Винса Тига, но на самом деле родился двадцатью пятью годами позже. Все зависит от механизма, который достается тебе по лотерейному билету, говорил по этому поводу Винс. И ты живешь, ремонтируя его по мере необходимости, пока он работает. Винс также утверждал, что даже тем, кто перешагнул вековой рубеж – а он твердо намеревался попасть в их число, – жизнь кажется не длиннее летнего полдня.

– Но почему?

– Ты боишься, что я не оплачу счет и повешу его на Хелен? – спросил он.

– Нет... кто такая Хелен?

– Хелен Хафнер, она нас обслуживала. – Винс кивком указал на полноватую женщину лет сорока, собиравшую грязные тарелки со стола на другом конце внутреннего дворика. – Потому что такова политика Джека Муди, который, так уж вышло, владелец этой замечательной едальни, и его отца, если тебе интересно...

– Мне – да, – сказала Стефани.

Дэвид Боуи, проработавший ответственным редактором чуть меньше, чем прожила на свете Хелен Хафнер, наклонился вперед и положил пухлую ладонь на юную и изящную руку Стефани.

– Я знаю, что интересно. И Винс тоже. Поэтому он ходит вокруг да около, чтобы все объяснить.

– Потому что это учеба, – улыбнулась Стефани.

– Совершенно верно, – кивнул Дейв. – И в чем везет старикам вроде нас?

– Вы можете позволить себе учить только тех, кто хочет учиться.

– Точно. – Дейв откинулся на спинку стула. – Именно так. – Он не носил пиджаки – ни классические, ни приталенные, – отдавая предпочтение старому зеленому свитеру. Стоял август, и Стефани полагала, что во внутреннем дворике «Чайки» очень даже тепло, несмотря на дувший с моря ветер, но она знала, что оба старика крайне чувствительны к малейшему похолоданию. В случае Дейва ее это немного удивляло: шестьдесят пять лет и добрых тридцать лишних фунтов. Винс Тиг выглядел на семьдесят (и был вполне подвижным, несмотря на скрюченные артритом руки), но в начале лета ему исполнилось девяносто, и он был худым как щепка. «Фаршированный шнурок» – так называла его (обычно пренебрежительно фыркая) миссис Пиндер, внештатный секретарь «Еженедельника».

– Политика «Серой чайки» такова: официантки несут ответственность за счет, пока он не оплачен, – объяснил Винс. – Джек первым делом предупреждает об этом всех женщин, которые хотят устроиться к нему на работу, чтобы потом они не скулили, приходя со слезами на глазах и утверждая, будто никогда об этом не слышали.

Стефани оглядела внутренний дворик, даже в двадцать минут второго наполовину заполненный посетителями, потом перевела взгляд на обеденный зал, из окон которого открывался прекрасный вид на Лосиную бухту. Почти все столики заняты, и она знала, что со Дня памяти до конца июля очередь в ресторан исчезает только около трех часов дня. Другими словами, управляемый бедлам. И нельзя ожидать, что каждая официантка уследит за всеми своими клиентами, если она едва успевает поворачиваться, разнося подносы с только что сваренными лобстерами и моллюсками...

– Едва ли можно сказать, что это... – Стефани замолчала, задавшись вопросом, а не засмеет ли ее эта парочка, которая издавала свою газету еще в те времена,

когда не существовало такого понятия, как минимальная заработная плата.

– Честно? Это слово ты никак не можешь найти? – сухо спросил Дейв и взял сэндвич. Последний на блюде.

«Честно» заканчивалось у него на «а», совсем как «ага», то самое слово, которое означало у янки «да» и «да ну?». Стефани училась в Цинциннати, штат Огайо, и когда приехала на Лосиный остров, чтобы пройти стажировку в «Еженедельнике», поняла, что ближайшее будущее – безнадега, еще слово, рифмующееся с «ага» в речи жителей Штата Попутного Ветра[1 - Штат Попутного Ветра – неофициальное название штата Мэн – Здесь и далее примеч. пер.]. Чему она могла здесь научиться, если понимала одно слово из семи? А если бы продолжила просить их повторить только что сказанное, как скоро они бы решили, что имеют дело с классическим случаем врожденного идиотизма («йдитизма», как сказали бы на Лосином острове)?

Университетская программа стажировки была рассчитана на четыре месяца, но уже на четвертый день Стефани решила вернуться в Цинциннати, когда Дейв отвел ее в сторону и сказал: «Не сдавайся, Стеффи, все придет само». И точно, пришло. Разом, буквально в одночасье, она начала понимать местную речь. Словно чудесным образом лопнули пузыри, которые затыкали ее уши. Она полагала, что не сумеет говорить, как они, даже прожив тут до самой смерти, но понимать? Этой чести она удостоилась, да-да.

– Да, именно его, – согласилась Стефани.

– Такое слово если и присутствует в лексиконе Джека Муди, то используется исключительно для прогноза погоды, – отметил Винс и тем же тоном добавил: – Положи сэндвич, Дэвид Боуи, нельзя тебе больше толстеть. Клянусь, ты уже превратился в хряка.

– Насколько я помню, мы не женаты, – ответил Дейв, отправив в рот очередной кусочек сэндвича. – Неужели ты не можешь рассказывать ей, о чем тебе хочется, не цепляя меня?

– Ну не нахал ли? – покачал головой Винс. – И никто не объяснял ему, что нельзя разговаривать с набитым ртом. – Он перекинул руку через спинку стула, и дувший с залитого солнцем океана ветер отбросил со лба тонкие седые

волосы. – Стеффи, у Хелен трое детей от шести до двенадцати лет и муж, который от нее сбежал. Она не хочет уезжать с острова и едва сводит концы с концами, работая официанткой в «Серой чайке», потому что лето здесь чуть сытнее скудной зимы. Ты следишь за ходом моих мыслей?

– Да, будьте уверены, – отозвалась Стефани, и в тот самый момент к ним подошла женщина, о которой они говорили. Стефани обратила внимание, что на ней толстые компрессионные колготки, не скрывавшие полностью варикозных вен, а под глазами у нее – темные мешки.

– Винс, Дейв. – Хелен кивнула красотке, чьего имени не знала. – Видела, как удрал ваш приятель. Спешил на паром?

– Точно, – ответил Дейв. – Вдруг вспомнил про неотложное дело в Бостоне.

– Ага. Вы закончили?

– Скоро уходим, – ответил Винс, – но принеси чек, если не затруднит, Хелен. Дети в порядке?

Хелен Хафнер поморщилась:

– На прошлой неделе Джуд вывалился из шалаша на дереве и сломал руку. Как он орал! Напугал до смерти!

Старики переглянулись... и рассмеялись. Быстро опомнились, на их лицах появилось виноватое выражение, Винс посочувствовал, но Хелен это не устроило.

– Мужчины могут смеяться, – устало, язвительно улыбаясь, поделилась она со Стефани. – Мальчишками они все падали с деревьев и ломали руки и помнят только одно: какими славными они были пиратами. А как мать вставала по ночам, чтобы дать им таблетку аспирина, не помнят. Чек я принесу. – И отошла, шаркая кроссовками со стоптанными задниками.

– Добрая душа. – На лице Дейва еще читался стыд.

– Несомненно, – кивнул Винс, – и если она нас отчитала, так мы того заслуживали. Теперь о нашем ланче, Стеффи. Я не знаю, сколько стоят в Бостоне три сэндвича, один лобстер с моллюсками и четыре стакана ледяного чая, но наш журналист явно забыл, что мы находимся – по экономической терминологии – в «регионе промысла», вот и оставил на столе сотню баксов. Если Хелен принесет нам чек на сумму, превышающую пятьдесят пять, я улыбнусь и расцелую свинью. Следишь за ходом моих мыслей?

– Да, конечно, – кивнула Стефани.

– Для этого парня из «Глоуб» ситуация следующая. Он нацарапает: «Ланч, Серая чайка, Лосиный остров и Нераскрытые тайны» в своей маленькой расходной книжечке, выданной «Бостон глоуб», пока паром будет везти его на материк. Если он честный – напишет сто баксов, а если душа у него вороватая – сто двадцать, а на двадцатку сводит девушку в кино. Уловила?

– Да, – ответила Стефани и укоризненно посмотрела на него, допивая чай. – Думаю, вы слишком циничны.

– Нет, будь я слишком циничен, сказал бы «сто тридцать», можешь не сомневаться. – Последнее вызвало у Дейва короткий смешок. – В любом случае, он оставил сотню, то есть на тридцать пять долларов больше, чем следовало, даже с учетом двадцатипроцентных чаевых. А потом я взял его деньги. Когда Хелен принесет чек, я в нем только распишусь, потому что у «Еженедельника» здесь текущий счет.

– И я надеюсь, что вы дадите ей на чай больше двадцати процентов, – вставила Стефани. – С учетом ее ситуации дома.

– В этом ты как раз и ошибаешься, – ответил Винс.

– Ошибаюсь? Почему?

Он снисходительно посмотрел на нее:

– А как ты думаешь? Потому что я прижимистый? Как и все янки?

– Нет. В это я больше не верю. Как и в то, что все негры ленивые, а все французы целыми днями думают только о сексе.

– Тогда пораскинь мозгами. Ими Господь тебя не обидел.

Стефани пыталась оправдать доверие. Старики с интересом наблюдали за ней.

– Она воспримет это как милостыню, – наконец решилась Стефани.

Винс и Дейв весело переглянулись.

– Что не так? – спросила Стефани.

– Совсем рядом с ленивыми неграми и сексуальными французами, дорогуша. – Дейв нарочито усилил выговор восточного побережья, растягивая слова. – Только теперь это гордая женщина-янки, которая не примет подачку.

Чувствуя, что забирается в социологические дебри все глубже, Стефани спросила:

– Вы хотите сказать, что примет? Не ради себя – для детей.

– Человек, оплативший наш ланч, – не местный, – напомнил Винс. – С точки зрения Хелен Хафнер, у приезжих деньги просто вываливаются из... из бумажников.

Стефани повеселило, как Винс ради нее неожиданно смягчил высказывание, и она оглядела сначала внутренний дворик, где они сидели, а потом и обеденный зал, через стеклянные стены. Обнаружила кое-что интересное. Многие – если не все – посетители, сидевшие на ветру, были местными, как и большинство официанток, которые их обслуживали. Обеденный зал оккупировали приезжие с материка, так называемые «летние люди», и обслуживали их более молодые официантки. Более симпатичные, и тоже издалека. Нанятые на сезон. Тут Стефани сразу все поняла. Она сильно ошиблась, обратившись к социологии. Ларчик открывался гораздо проще.

– В «Серой чайке» официантки делят чаевые поровну, так? – спросила она. – В этом все дело?

Винс нацелил на нее палец, словно ствол револьвера.

– В яблочко!

– Так что же вы сделаете?

– Сделаю я вот что. Добавлю к счету пятнадцать процентов чаевых, когда буду подписывать чек, а сорок долларов из оставленных этим парнем суну Хелен в карман. Они достанутся только ей, газета не понесет дополнительных расходов, а дядю Сэма не должно волновать то, о чем он не знает.

– Именно так ведет бизнес Америка, – с серьезным видом добавил Дейв.

– И знаешь, что мне особенно нравится? – спросил Винс Тиг, подставив лицо солнечным лучам. Когда он прищурился, на его коже проступили тысячи морщинок. С ними он все равно не выглядел на свой возраст, но лет на восемьдесят тянул.

– Нет. Что? – заинтересованно спросила Стефани.

– Мне нравится, как деньги ходят кругами, словно одежда в стиралке. Мне нравится за этим наблюдать. И на этот раз, когда машина наконец-то остановится, перестав вращаться, деньги останутся здесь, на Лосином острове, где людям они и впрямь нужны. А что еще лучше, этот городской тип заплатил за наш ланч, но ушел отсюда несолоно хлебавши.

– Даже убежал, – поправил его Дейв. – Спешил на паром, если кто не в курсе. Напомнил мне стихотворение Эдны Сент-Винсент Миллей: «Мы очень устали, мы много смеялись, мы целую ночь на пароме катались». Не совсем точно, но близко.

– Едва ли он смеялся, но до следующей своей остановки наверняка доберется уставшим, – заметил Винс. – Если не ошибаюсь, он упомянул Мадаваску. Может, найдет там какие-то нераскрытые тайны. К примеру, выяснит, почему кому-то

хочется там жить. Дейв, поможешь мне.

Стефани верила, что эти два старика могли общаться телепатически, возможно, сами того не подозревая. За три месяца, проведенные на Лосином острове, она несколько раз становилась тому свидетельницей и теперь видела еще один пример. Официантка возвращалась с чеком в руке. Дейв сидел к ней спиной, но Винс видел, что она приближается, и точно знал, чего хочет издатель «Островного еженедельника». Дейв сунул руку в задний карман, вытащил бумажник, достал две купюры, сложил их и передал Винсу. Хелен подошла мгновением позже. Одной скрюченной рукой Винс взял у нее чек. Другой – сунул купюры в карман фартука.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарил он ее.

– Вы точно не хотите десерт? – спросила она. – Могу принести фирменный шоколадно-вишневый торт. В меню его нет, но кусочек я найду.

– Я – пас. Стеффи?

Она покачала головой. Как – с сожалением – и Дейв Боуи.

Хелен одарила (если это подходящее слово) Винсента Тига суровым оценивающим взглядом.

– Немного жирка тебе не помешает, Винс.

– Мы с Дейвом – что Джек Спрэт с женой[2 - Джек Спрэт и его жена – персонажи детской народной песенки, вошедшей в сборник «Стихи и песенки Матушки Гусыни».], – весело воскликнул Винс.

– Ага. – Хелен посмотрела на Стефани и неожиданно добродушно подмигнула. – Ну и парочку вы себе выбрали, мисси.

– Они хорошие, – ответила Стефани.

– Конечно, и потом вы прямиком отправитесь в «Нью-Йорк таймс». – Хелен собрала грязную посуду, добавила: – Еще вернусь, чтобы окончательно

прибраться, – и отчалила.

– Обнаружив сорок долларов в кармане, она догадается, кто их туда положил? – спросила Стефани и вновь оглядела внутренний дворик, где два десятка посетителей пили кофе, ледяной чай, пиво или лакомились не значащимся в меню шоколадно-вишневым тортом. Судя по внешнему виду, не все могли сунуть сорок долларов в карман официантке, но некоторые – вполне.

– Вероятно, да, – кивнул Винс. – Ответь мне на один вопрос, Стеффи.

– Обязательно, если смогу.

– Если она не догадается, станет ли наша сделка из-за этого неправомерной?

– Я не понимаю, что вы...

– Думаю, понимаешь, – оборвал он ее. – Пошли, пора возвращаться в редакцию. Новости не ждут.

Глава 2

Один нюанс работы в «Островном еженедельнике» нравился Стефани больше всего, нюанс, завораживавший ее и после трех месяцев стажировки, которые она провела – по большей части – за написанием рекламных объявлений: в солнечный день, стоило отойти на шесть шагов от стола, и перед тобой открывался потрясающий вид на побережье штата Мэн. Для этого требовалось лишь выбраться на крытую террасу над морем, протянувшуюся вдоль напминавшего амбар здания редакции. Да, воздух здесь пропах рыбой и водорослями, но на Лосином острове этим пропахло все. К запаху этому, как узнала на собственном опыте Стефани, привыкнуть удавалось легко, а потом происходило удивительное: когда нос уже ничего не чувствовала, запах вновь напоминал о себе, и ты в него влюблялся.

В солнечные дни (такие как этот в конце августа) каждый дом и причал, каждое рыбацкое судно со стороны Тиннока прорисовывались ясно и отчетливо. Она

могла прочитать «Суноко» на боку дизельного насоса и «Ли-Ли Бетт» на корпусе рыболовной шхуны, которую в межсезонье вытащили на берег, чтобы счистить старую краску и покрасить заново. Она могла разглядеть мальчишку в шортах и свитере «Патриотов» с отрезанными рукавами, удящего рыбу на замусоренном галечном пляже рядом с «Баром Престона», и тысячи солнечных зайчиков, отражающихся от оцинкованного железа сотни деревенских крыш. А между Тиннок-Виллидж (размером с приличный городок) и Лосиным островом солнце светило на самую синюю воду, какую Стефани только доводилось видеть. В такие дни она задавалась вопросом, вернется ли на Средний Запад, сможет ли заставить себя. Но и в дни, когда остров окутывал туман, материк исчезал, и лишь печальный рев туманной сирены набирал силу и замолкал, словно голос какого-то древнего зверя... она задавалась тем же вопросом.

Будь осторожнее, Стеффи, однажды сказал ей Дейв. Подошел к ней, когда она сидела на террасе с раскрытым линованным блокнотом на коленях и незаконченной колонкой «ИСКУССТВО», которую начала писать своим размашистым, наклоненным влево почерком. Привычка к островной жизни умеет каким-то образом проникать в кровь, а потом ничем не отличается от малярии. Избавиться от нее нелегко.

И теперь, включив свет (солнце перебралось на другую сторону здания, и в комнате потемнело), Стефани села за стол и подвинула к себе верный линованный блокнот с новой колонкой «ИСКУССТВО» на раскрытой странице. Она в немалой степени напоминала любую из полудюжины написанных ранее, но Стефани все равно смотрела на нее с любовью. Это, в конце концов, и была ее работа, строчки, за которые ей платили деньги, и Стефани не сомневалась, что люди, жившие в зоне распространения «Еженедельника» – не такой, между прочим, маленькой, – на самом деле читали эту колонку.

Винс сел за свой стол, коротко, но достаточно громко крикнув. Затем последовал треск: он повернулся сначала налево, потом направо. Процесс этот Винс называл «усадкой позвоночника». Однажды Дейв сказал ему, что когда-нибудь эта «усадка» парализует его от шеи до пяток, но Винса подобная перспектива нисколько не волновала. Он включил компьютер, а ответственный редактор устроился на краешке стола, достал зубочистку и принялся обследовать верхнюю челюсть.

– И что это будет? – спросил Дейв, пока компьютер загружался, а Винс ждал. – Пожар? Наводнение? Землетрясение? Бунт народных масс?

– Я думал начать с Эллен Данвуди, которая сшибла пожарный гидрант на Бич-лейн, когда в ее автомобиле отказал ручник. Потом, должным образом разогревшись, перейду к правке моей библиотечной передовицы, – ответил Винс, хрустнув пальцами.

Дейв глянул на Стефани со своего места на краю стола.

– Сначала спина, потом пальцы. Если он научится играть «Сухие кости»[3 - «Сухие кости» – песня Джеймса Уэлдона Джонсона (1871–1938) в стиле спиричуэл.] на ребрах, выступление в программе «Американский идол» гарантировано.

– Вечно он все критикует, – весело пожаловался Винс, дожидаясь загрузки компьютера. – Знаешь, Стефф, есть в этом что-то извращенное. Здесь сижу я, девяносто лет от роду, готовый сыграть в ящик, и пользуюсь новеньким компьютером «Макинтош». А там – ты, двадцатидвухлетняя и прекрасная, свеженькая, как только что сорванный персик, карябаешь в линованном блокноте, словно старая дева из викторианского романа.

– Я не верю, что линованные блокноты изобрели в викторианскую эпоху, – ответила Стефани, перебирая бумаги на столе. Когда она в июне прибыла на Лосиный остров и в «Еженедельник», ей выделили самый маленький стол – чуть больше ученической парты – в дальнем углу. В середине июля ее повысили – пересадили за большой стол в центре комнаты. Стефани порадовалась, но увеличившееся пространство усложняло поиски нужных бумаг. Вот и теперь она перебирала их, пока наконец не отыскала ярко-розовый проспект. – Кто-нибудь знает, какая организация получает прибыль от Ежегодного праздника окончания лета на ферме Жернера с катанием на возу сена, пикником, танцами и выступлениями Литл Джоанны Джей и «Стро хилл бойз»?

– Эта организация – Сэм Жернер, его жена, пятеро детей и многочисленные кредиторы, – ответил Винс, и его компьютер пикнул. – Я как раз собирался сказать тебе, Стефф: ты многого добилась со своей маленькой колонкой.

– Да, это так, – согласился Дейв. – Думаю, мы получили десятка два писем, и только одно ругательное, от миссис Эдайны Стин, королевы правописания побережья Штата Попутного Ветра, которая совсем спятила.

– Да, крыша съехала полностью, – согласился Винс.

Стефани улыбнулась, подумав о том, как редко – после того как ушло детство – удастся ощутить абсолютное, ничем не замутненное счастье.

– Спасибо. Спасибо вам обоим. – И тут же добавила: – Могу я вас кое о чем спросить? Честно и откровенно?

Винс развернул стул и посмотрел на нее.

– Спрашивай о чем угодно, если твой вопрос позволит оттянуть мою встречу с миссис Данвуди и пожарным гидрантом.

– А мою – со счетами, – вставил Дейв. – Пусть я и не смогу уйти домой, не покончив с ними.

– Не позволяй бумагам стать твоим боссом! – отчеканил Винс. – Сколько раз я тебе об этом говорил?

– Сказать-то легко, – фыркнул Дейв. – Думаю, ты не заглядывал в бухгалтерскую книгу «Еженедельника» лет десять, не говоря уже о том, чтобы ей заняться.

Стефани твердо решила не дать им увлечься – и отвлечь ее – старческим брюзжанием.

– Перестаньте. Оба.

Они замолчали, удивленно уставившись на нее.

– Дейв, вы сказали этому мистеру Хэнретти из «Бостон глоуб», что в паре с Винсом проработали в «Островном еженедельнике» сорок лет.

– Ага, и...

– А вы, Винс, основали эту газету в тысяча девятьсот сорок восьмом году.

– Совершенно верно, – кивнул Винс. – До лета сорок восьмого у нас издавался только еженедельник «Покупка и продажа» – бесплатная рекламная газета, которая распространялась в людных местах острова и в крупных магазинах на материке. Я был молодым, упрямым, и мне невероятно везло. Тогда случились большие пожары в Тинноке и Хэнкоке. Эти пожары... Не скажу, что наша газета встала на ноги только благодаря им – хотя некоторые именно так в свое время и говорили, – но, конечно, нам удалось взять хороший старт. Такого количества рекламных объявлений, как летом сорок восьмого, я не публиковал до пятьдесят шестого.

– Итак, вы издаете эту газету более пятидесяти лет, и за все это время ни один из вас не сталкивался с нераскрытой тайной? Неужели это правда?

– Мы никогда такого не говорили! – воскликнул, казалось бы, потрясенный до глубины души Дейв Боуи.

– Господи, ты же там была! – присоединился к нему не менее возмущенный Винс.

Еще мгновение выражения их лиц не менялись, но поскольку Стефани Маккэнн продолжала переводить взгляд с одного на другого, суровая, как мымра-учительница в Средней школе Джона Форда, они не выдержали. Сначала задрожал уголок рта Винса Тига, потом начал дергаться глаз Дейва Боуи. Все могло бы кончиться хорошо, но они допустили ошибку, переглянувшись, и тут же рассмеялись, как два самых старых мальчишки в мире.

Глава 3

– Именно ты рассказал ему о «Красотке Лизе», – напомнил Дейв Винсу, когда снова взял себя в руки. Рыбацкую шхуну «Красотка Лиза Кабо» выбросило на берег соседнего островка Смэк в двадцатых годах прошлого века. Одного моряка нашли мертвым на носовой палубе, остальные пятеро исчезли. – Как думаешь, сколько раз Хэнретти слышал эту байку, прочесывая нашу часть побережья?

– Понятия не имею. Все зависит от того, в скольких местах он успел побывать, прежде чем добрался до нас, дорогой, – ответил Винс, и в следующее мгновение старики снова загоготали: Винс хлопал себя по костлявому колену, а Дейв – по толстому бедру.

Стефани, хмурясь, наблюдала за ними: не злилась, не находила повода для веселья (может, самую малость), просто старалась понять, что их так забавляет. Сама она полагала, что история «Красотки Лизы Кабо» вполне годится хотя бы для одного из восьми выпусков цикла – маэстро, туш – «Нераскрытые тайны Новой Англии». И ей хватало ума и наблюдательности, чтобы не усомниться в том, что мистер Хэнретти не счел эту историю достойной внимания. По выражению его лица Стефани поняла, что он слышал ее в своих оплаченных «Глоуб» странствиях по побережью между Бостоном и Лосиным островом, скорее всего, не единожды.

Винс и Дейв кивнули, когда она озвучила эту мысль.

– Ага, – ответил ей Дейв. – Хэнретти, конечно, приезжий, но это не означает, что он глупец или лентяй. Тайна «Красотки Лизы», которая мусолится долгие годы, почти наверняка связана с бутлегерами, ввозившими из Канады спиртное и не стеснявшимися пускать в ход оружие, пусть точно этого никто не знает. Она описана в пяти или шести книгах, не говоря уже о журналах «Янки» и «Даун-ист». Кстати, Винс, а разве «Глоуб»?..

Винс кивнул.

– Семь, может, девять лет тому назад. В воскресном приложении. Хотя это мог быть «Провиденс». Я уверен, что это портлендская «Санди телеграм» опубликовала большую статью о мормонах, которые объявились во Фрипорте и попытались что-то раскопать в Пустыне штата Мэн.

– И о Береговых огнях пятьдесят второго года газеты пишут практически на каждый Хэллоуин, – радостно добавил Дейв. – Не говоря об уфологических сайтах.

– А в прошлом году какая-то женщина написала книгу об отравлениях на том церковном пикнике в Тэшморе, – закончил Винс. Речь шла о последней «нераскрытой тайне», которую они вывалили на репортера «Глоуб» за ланчем.

После нее Хэнретти и решил, что может успеть на паром, отплывающий в половине второго, и в какой-то степени Стефани его не винила.

- То есть вы водили его за нос. Дразнили старыми историями.

- Нет, дорогуша! - На этот раз по голосу Винса чувствовалось, что он искренне изумлен. (Ну, возможно, подумала Стефани.) - Каждая из них - настоящая нераскрытая тайна побережья Новой Англии, даже нашей части побережья.

- Мы не могли знать наверняка, что ему известны все эти истории, пока не рассказали их, - здраво отметил Дейв. - Но нас и не удивило, что он оказался в курсе.

- Не удивило, - согласился Винс, его глаза весело сверкали. - Ага, давнишние истории, что тут скажешь. Но благодаря им мы вкусно поели, так? И проследили за круговоротом денег, поспособствовали тому, чтобы они попали куда нужно... Скажем, в карман Хелен Хафнер.

- И эти истории - единственные, которые вы знаете? Истории, пережеванные в кашу в книгах и газетах?

Винс посмотрел на Дейва, своего давнего соратника.

- Я такое говорил?

- Нет, - ответил Дейв. - И не припоминаю, чтобы я говорил.

- Так о какой еще нераскрытой тайне вы знаете? И почему не рассказали ему?

Старики переглянулись, и вновь Стефани Маккэнн почувствовала их телепатическую связь. Винс чуть заметно мотнул головой в сторону двери. Дейв поднялся, пересек ярко освещенную половину длинной комнаты (в более темной стояла большая старомодная офсетная печатная машина, которой не пользовались уже семь лет), перевернул табличку на двери с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО» и вернулся к столу.

– Закрyто? В середине дня? – спросила Стефани с ноткой тревоги, в мыслях, если не в голосе.

– Если кто-то придет с новостями, то постучит, – весьма разумно ответил Винс. – Если с сенсацией – забарабанит в дверь.

– А если в городе начнется пожар, мы услышим сирену, – вставил Дейв. – Пошли на террасу, Стеффи. Нельзя упускать августовское солнце: оно нас ждать не будет.

Стефани посмотрела на Дейва, потом на Винса Тига, в девяносто соображавшего не хуже, чем в сорок пять. Она в этом убедилась.

– Учеба продолжается?

– Точно, – кивнул Винс, и, хотя он улыбался, она чувствовала, что говорит он серьезно. – Ты же знаешь, в чем везет таким старикам, как мы.

– Вы можете учить только тех, кто хочет учиться.

– Ага. Ты хочешь учиться, Стеффи?

– Да, – без запинки ответила она, несмотря на необъяснимую внутреннюю тревогу.

– Тогда выходи на террасу и присядь, – предложил Винс. – Выходи и присядь.

Так она и поступила.

Глава 4

Горячее солнце, прохладный воздух, бриз, благоухающий запахом соли, наполненный звоном склянок, сигнальными гудками, шумом плещущейся воды. Все эти звуки она полюбила в первые недели. Мужчины сели по обе стороны от

нее, и, пусть Стефани этого не знала, у обоих в головах мелькнула одна и та же мысль: Красота в обрамлении старости. Ничего фривольного эта мысль в себе не несла, потому что старики понимали: намерения у них самые чистые. Они уже уяснили, как хороша Стефани в работе, сколь велико ее стремление учиться, и жадность до знаний только разжигала желание учить.

– Итак, – начал Винс после того, как все устроились, – подумай об этих нераскрытых тайнах, упомянутых нами за ланчем с Хэнретти: «Лиза Кабо», Береговые огни, Бродячие мормоны, Отравление в церкви Тэшмора, – и скажи мне, что их все объединяет.

– Они все остались нераскрытыми.

– А если подумать, дорогуша? – спросил Дейв. – Ты меня огорчаешь.

Она глянула на него и увидела, что он не шутит. Что ж, все довольно-таки очевидно, если принять во внимание, почему Хэнретти вообще пригласил их на ланч: «Глоуб» намеревалась напечатать цикл из восьми статей (может, и десяти, по словам Хэнретти, если ему удастся собрать достаточно подходящих историй) в период между сентябрем и Хэллоуином.

– Они все заезжены?

– Это лучше, – кивнул Винс, – но ничего новенького ты нам пока не сообщила. Спроси себя, юная моя: почему их так заездили? Почему какая-нибудь газета Новой Англии как минимум раз в год вытаскивает на свет Божий историю о Береговых огнях вместе с размытыми фотоснимками полувековой давности? Почему какой-нибудь местный журнал, вроде «Янки» или «Коуста», раз в год обязательно берет интервью или у Клейтона Риггса, или у Эллы Фергюсон, словно они могут вдруг подпрыгнуть, как сатана в шелковых бриджах, и сказать что-то такое, чего не говорили раньше?

– Я не знаю, кто эти люди, – ответила Стефани.

Винс хлопнул себя по лбу.

– Ага, и правда старый я пень. Забываю, что ты не местная.

– Я должна воспринимать это как комплимент?

– Можешь. Возможно, должна. Клейтон Риггс и Элла Фергюсон – те двое, кто не умер, выпив ледяного кофе в тот день на берегу озера Тэшмор. Фергюсон оклемалась полностью, а Риггсу парализовало левую половину тела.

– Это ужасно. И у них продолжают брать интервью?

– Ага. Прошло пятнадцать лет, и я думаю, что любой недоумок знает, что никого уже не арестуют за это преступление – восемь отравленных, шесть трупов, – но Фергюсон и Риггс по-прежнему у прессы в чести, хотя и выглядят все хуже и хуже: «Что случилось в тот день», или «Кошмар озерного берега», или... идею ты понимаешь. Это просто еще одна история, которую хотят слышать люди. Вроде «Красной Шапочки» или «Трех поросят». Вопрос... почему?

Но тут Стефани забежала вперед.

– У вас что-то есть за душой, верно? История, которую вы ему не рассказали? Что это за история?

Вновь сработала телепатия, но на этот раз прочитать мысль, проскочившую между ними, у Стефани не получилось. Все трое сидели на одинаковых садовых стульях, Стефани – положив руки на подлокотники. Дейв наклонился к ней и похлопал по руке.

– Тебе мы можем рассказать... Так, Винс?

– Ага, почему не рассказать? – согласился Винс, и снова на солнце стали видны все эти морщинки.

– Но если ты хочешь прокатиться на пароме, тебе придется принести чай рулевому. Слышала эту песню?[4 - «Чай для рулевого» – песня из одноименного альбома (1970) американского исполнителя Кэта Стивенса (р. 1948 г.).]

– Скорее да, чем нет. – Стефани подумала о старых пластинках матери, хранившихся на чердаке.

– Хорошо, – кивнул Дейв. – Тогда отвечай на вопрос. Хэнретти отмел эти истории, потому что они постоянно мелькали в прессе. Почему они там мелькали?

Она задумалась, и старики ей не мешали. Вновь наслаждались созерцанием того, как она ищет ответ.

– Что ж, – прервала затянувшуюся паузу Стефани, – полагаю, люди любят истории, от которых в зимний вечер по коже бегут мурашки, особенно когда в доме горит свет, а от пылающего камина расходится приятное тепло. Истории о – вы понимаете – неведомом.

– И сколько неведомого на историю? – спросил Винс Тиг. Его голос звучал мягко, но взгляд так и впивался в нее.

Она уже открыла рот, чтобы сказать: «Не меньше шести порций», думая об отравлении на церковном пикнике, но не сказала. Да, шесть человек умерли на берегу озера Тэшмор, но убила их одна порция яда, и Стефани понимала, что яд в кофе всыпала только одна рука. Она не знала, сколько Береговых огней видели люди, но не сомневалась, что они все воспринимались как один феномен. Поэтому...

– Что-то одно? – предположила она, ощущая себя участником «Своей игры». – Что-то одно неведомое на историю?

Винс нацелил на нее палец, улыбаясь даже шире, чем всегда, и Стефани расслабилась. Конечно, это не настоящая школа, и старики любили бы ее ничуть не меньше, если бы она ошиблась, но ей хотелось порадовать их своим ответом, точно так же, как и своих лучших учителей в старших классах и колледже. Тех, кто работал с душой.

– И вот что еще, – добавил Дейв. – Люди в глубине души склонны верить, что объяснение случившемуся обязательно есть, и они даже представляют себе, что это за объяснение. Взять, к примеру, «Красотку Лизу», которую выбросило на скалы острова Смэк к югу от бухты Дингла в двадцать шестом...

– В двадцать седьмом, – поправил его Винс.

– Хорошо, в двадцать седьмом, умник, и Теодор Рипоно по-прежнему на борту, но мертвый, как хек, а остальные пятеро исчезли и, хотя нет ни крови, ни следов борьбы, никто не сомневается: должно быть, они были пиратами, отсюда и история о карте с указанием тайника, следуя которой они нашли сокровища, но люди, охранявшие тайник, набросились на них, и пошло-поехало.

– Или они передрались между собой, – вставил Винс. – Это основная версия случившегося на «Красотке Лизе». Речь о том, что есть истории, которые одни любят рассказывать, а другие – слушать, но Хэнретти хватало ума, и он понимал, что его редактору не придется по вкусу когда-то приготовленное, а потом много раз подогретое жаркое.

– Может, еще лет через десять, – предположил Дейв.

– Потому что рано или поздно все старое становится новым. Можешь в это не верить, Стеффи, но так и есть.

– Но я верю, – ответила она, подумав: «Чай для рулевого», это Аль Стюарт или Кэт Стивенс?

– Или возьмем Береговые огни, – продолжил Винс. – Я точно могу сказать, почему они выбились в фавориты. Есть их фотография. Скорее всего, это отражения огней Эллсуорта от низких облаков, которые в силу каких-то особенностей выглядят как круги, очень напоминающие летающие тарелки, а под ними – «Хэнкокские лесорубы» в форме, команда Малой лиги, стоят, задрав головы.

– И маленький мальчик указывает на круги бейсбольной перчаткой, – подхватил Дейв. – Это последний штрих. Люди смотрят на этот снимок и говорят: «Должно быть, это пришельцы из космоса, спустившиеся вниз, чтобы поглазеть на Великое американское развлечение». Но все равно это одно неведомое, на этот раз с интересной фотографией, достойной того, чтобы поразмыслить над ней. Вот люди и возвращаются к этой истории снова и снова.

– Но не «Бостон глоуб», – вставил Винс, – хотя я чувствую, что эта тайна может войти в утвержденный редактором список.

Старики добродушно рассмеялись, как давние друзья.

- Короче, мы, возможно, знаем одну или две нераскрытые тайны...

- Я под этим не подпишусь, - покачал головой Дейв. - Одну мы точно знаем, дорогуша, но единственного объяснения - «должно быть» - у нее нет...

- Ну как же... стейк, - перебил его Винс, но с сомнением в голосе.

- Ага, но даже это загадка, правда? - спросил Дейв.

- Пожалуй, - согласился Винс, и теперь по его голосу чувствовалось, что ему как-то не по себе. Выглядел он соответственно.

- Вы меня совсем запутали, - призналась Стефани.

- Ага, история Парня из Колорадо запутанная, это точно, - кивнул Винс, - поэтому она не подойдет «Бостон глоуб», должен тебе сказать. Для начала, очень много неизвестных. И они никак не складываются друг с другом. - Он наклонился вперед, глядя на девушку своими чистыми синими глазами янки. - Ты хочешь работать в газете, так?

- Вы знаете, что хочу, - недоуменно ответила Стефани.

- Тогда я поделюсь с тобой секретом, который известен любому человеку, проработавшему в газете достаточно долго: в реальной жизни число завершенных историй - с началом, серединой и концом - ничтожно мало или вообще равно нулю. Но если ты подкинешь читателю хоть одно неизвестное (два - это максимум), а потом добавишь какую-то версию - Боуи их называет «должно быть», - читатель сам придумает себе историю. Удивительно, правда?

- Возьми, к примеру, эти отравления на церковном пикнике. Никто не знает, кто убил этих людей. Зато всем известно, что за шесть месяцев до отравления у Роды Паркс, секретарши методисткой церкви Тэшмора, и Уильяма Блейки, пастора, случился короткий роман. Блейки был женат и порвал отношения с секретаршей. Следишь за моей мыслью?

- Да, - кивнула Стефани.

– Известно также, что Рода Паркс переживала этот разрыв, во всяком случае, какое-то время. Так говорила ее сестра. Что известно еще? На пикнике Рода Паркс и Уильям Блейки выпили отравленный кофе и умерли. Так что у нас здесь в «должно быть»? Отвечай быстро, Стеффи, считай, что от этого зависит твоя жизнь.

– Рода отравила кофе, чтобы убить своего любовника за то, что он ее бросил, а потом выпила сама, покончив с собой. Остальные четверо – плюс те, кто выжил, – как это называется, сопутствующий ущерб?

Винс щелкнул пальцами.

– Ага, это история, которую люди рассказывают сами. Газеты и журналы никогда такого на своих страницах не печатали, потому что не было необходимости. Они знали, что люди сами сложат два и два. Но в чем минус этой версии? Так же быстро, Стеффи.

Но на этот раз Стефани лишилась бы жизни, если бы та зависела от быстроты ответа, потому что в голову ничего не пришло. Она уже хотела оправдаться тем, что не знает всех подробностей, когда Дейв поднялся, прошел к ограждению террасы, посмотрел на Тиннок, и пояснил:

– Шесть месяцев – долгий срок, так?

– Но ведь кто-то сказал, что месть – это блюдо, которое лучше подавать холодным?[5 - Эту фразу приписывают французскому политику и дипломату Шарлю де Талейрану (1754–1838).]

– Ага, – тон Дейва не менялся, – но если убиваешь шесть человек, это нечто большее, чем месть. Не утверждаю, что быть такого не может, но, возможно, мотив все-таки другой. Так и Береговые огни могут быть отражениями от облаков... или какими-то секретными экспериментами, которые проводились на авиабазе в Бангоре... или кто знает, может, зеленым человечкам непременно хотелось посмотреть, удастся ли мальчишкам в форме «Хэнкокских лесорубов» выбить двух игроков одним ударом в игре с другими мальчишками – в форме «Автомобилистов Тиннока».

- Обычно происходит следующее: люди придумывают историю и держатся за нее, - продолжил Винс. - Это достаточно легко, если есть только один неизвестный фактор: один отравитель, один набор таинственных огней, одна рыбацкая шхуна, дрейфующая практически без команды. Но в случае с Парнем из Колорадо - только неизвестные факторы, а потому нет истории. - Он помолчал. - Все равно что поезд, выезжающий из камина, или гряда лошадиных голов, которые ты однажды утром обнаруживаешь на своей подъездной дорожке. Наш случай не столь масштабный, но странностей в нем не меньше. И такое... - Он покачал головой. - Стеффи, люди такого не любят. Более того, им такое не нужно. Приятно любоваться волной, разбивающейся о берег, но слишком много волн могут вызвать морскую болезнь.

Стефани посмотрела на сверкающую воду под террасой - много волн, не очень больших - и предпочла промолчать.

- Есть кое-что еще, - после паузы добавил Дейв.

- Что?

- Это наша история, - произнес он с жаром, чуть ли не со злостью. - Парень из «Глоуб», парень издалека... он ее только изгадит. Ему не понять.

- А вы понимаете? - спросила она.

- Нет, - ответил Дейв, вновь усаживаясь. - Но мне и не надо, дорогуша. В истории с Парнем из Колорадо я чем-то похож на Деву Марию, после того как она родила Иисуса. В Библии сказано, что она «сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем».[6 - Лк. 2:19.] Иногда с нераскрытыми тайнами это наилучший вариант.

- Но мне вы расскажете?

- Да, конечно же, мэм. - Он посмотрел на нее с удивлением и - отчасти - словно выйдя из легкой дремы. - Потому что ты - одна из нас. Так, Винс?

- Ага, - подтвердил тот. - Где-то в середине лета ты успешно сдала экзамен.

– Правда? – Она вновь почувствовала себя до абсурда счастливой. – Как? Какой экзамен?

Винс покачал головой:

– Не могу знать, дорогуша. Только в какой-то момент нам стало понятно, что ты – наша. – Он посмотрел на Дейва, который кивнул, потом снова перевел взгляд на Стефани. – Ладно. История, не рассказанная нами за ланчем. Наша местная нераскрытая тайна. История Парня из Колорадо.

Глава 5

Но рассказывать начал Дейв.

– Двадцать пять лет тому назад, в восьмидесятом, на острове жили юноша и девушка, которые переправлялись на материк на пароме, отчаливавшем в половине седьмого утра, а не в половине восьмого. Они состояли в легкоатлетической команде Объединенной средней школы Бейвью и, как тогда говорили, дружили. Когда зима кончалась – на острове она короче материковой, – они бегом пересекали остров, следовали вдоль пляжа Хэммока к главной дороге, а потом по Бэй-стрит добирались до пристани. Ты это себе представляешь, Стеффи?

Она представляла. Видела романтику. Не поняла, правда, что «друзья» делали, сойдя с парома в Тинноке. Стефани знала, что с десятков старшеклассников Лосинового острова переправлялись на материк на пароме, отплывающем в половине восьмого, показывая контролеру – или Герби Госслину, или Марси Лагасс – свои проездные, которые те проверяли сканерами для считывания штрих-кодов. У пристани школьников дожидался автобус, на котором они ехали три мили до ОСШБ. Стефани спросила, дожидалась ли парочка автобуса, и Дейв, улыбаясь, покачал головой.

– Нет, они бежали дальше, – ответил он. – Не держась за руки, но всегда бок о бок, Джонни Грэвлин и Нэнси Арно. Пару лет они были неразлучны.

Стефани выпрямилась. Она знала, что Джон Грэвлин – мэр Лосиного острова, общительный мужчина, у которого для каждого находилось доброе слово и который метил на кресло сенатора штата в Огасте. Волос у него становилось все меньше, а живот – все больше. Она попыталась представить его бегущим – две мили по острову до пролива, три – по материку до школы – и не смогла.

– Получается не очень, дорогуша? – спросил Винс.

– Не очень, – признала Стефани.

– Все потому, что ты видишь Джонни Грэвлина – футболиста, бегуна, любителя пошутить по пятницам и пылко влюбленного по субботам – мэром Джоном Грэвлином, который всего лишь одинокая политическая жаба в маленьком островном пруду. Он ходит взад-вперед по Бэй-стрит, пожимает руки и улыбается, сверкая золотым зубом в уголке рта, находит доброе слово для каждого, не забывает ни одного имени и помнит, кто из мужчин ездит на «форде»-пикапе, а кто все еще сидит за рулем старого отцовского «интернейшнл-харвестера». Он – карикатурный политик из какого-нибудь фильма сороковых годов прошлого века о жизни маленького городка и настолько провинциален, что даже этого не понимает. Впереди у него только один прыжок – прыг, жаба, прыг, – и как только он прыгнет на кувшинку в большем по размерам пруду Огасты, ему или достанет ума и он остановится, или попытается прыгнуть еще раз и тогда его раздавят.

– Это так цинично, – отозвалась Стефани, не без восхищения.

Винс пожал костлявыми плечами:

– Послушай, я – тоже стереотип, дорогуша, только мой фильм – о газетчике с резинками, поддерживающими рукава рубашки, и козырьком на лбу, который в последней части кричит: «Остановите печатную машину!» Речь о том, что в те дни Джонни был совсем другим: стройным, как перьевая ручка, и быстрым, как молния. Ты бы назвала его молодым богом, если бы не торчащие зубы, но с тех пор он это поправил.

И она... в этих коротеньких красных шортиках... вот уж кто выглядел богиней. – Он помолчал. – Как и многие семнадцатилетние.

– Давай без канавных мыслей, – предложил Дейв.

На лице Винса отразилось удивление.

– Какая канава? Ни в коем разе. Мысли мои в облаках.

– Не буду спорить, раз ты так говоришь, и должен признать, взгляды она приковывала, это точно. А еще на дюйм или два возвышалась над Джонни. Возможно, из-за этого они и разбежались весной их выпускного года. Но в восьмидесятом не расставались и каждый день бежали к парому по острову, а высадившись в Тинноке – к школе. Люди делали ставки на то, что Нэнси залетит от него, но этого не случилось. То ли он показал себя крайне галантным, то ли она – сверхосторожной. – Дейв помолчал. – Черт, а может, они знали чуть больше, чем большинство островной молодежи.

– Я думаю, это как-то связано с бегом, – глубокомысленно изрек Винс.

– Пожалуйста, ближе к делу, вы оба, – осадила их Стефани, и старики рассмеялись.

– К делу, – кивнул Дейв. – Одним весенним утром, если точнее – в апреле тысяча девятьсот восьмидесятого года, они заметили человека, который сидел на пляже Хэммока. Ты знаешь, на окраине городка.

Стефани знала. Прекрасный пляж, только забитый «летними людьми». Она не представляла, как он выглядит после Дня труда, но шанс увидеть у нее был: стажировка заканчивалась пятого октября.

– Точнее, не совсем сидел, – поправился Дейв. – Полулежал, как они потом оба сказали. Привалился спиной к одному из мусорных баков, дно которых закапывали в песок, чтобы сильный ветер их не перевернул, но вес мужчины заставил бак накрениться... – Дейв поднял руку вертикально, а потом чуть отклонил.

– И в результате бак напоминал Пизанскую башню, – уточнила Стефани.

- Ты все поняла правильно. Кроме того, одежда мужчины – серые брюки, белая рубашка, мокасины, ни пиджака, ни пальто, ни перчаток – не соответствовала раннему утру, когда температура воздуха составляла сорок два градуса, а из-за холодного ветра с воды по ощущениям не превышала тридцати двух[7 - 5,6 и 0 ?С, соответственно.].

- Юные бегуны не стали обсуждать увиденное, просто подбежали, чтобы посмотреть, в порядке ли мужчина, и сразу поняли, что нет. Джонни, согласно его показаниям, понял, что мужчина мертв, как только взглянул на его лицо, и Нэнси сказала то же самое, но, разумеется, они не хотели сразу этого признавать. А ты бы захотела? Не убедившись, что это так?

- Нет, – согласилась Стефани.

- Он просто сидел (или полулежал), левая рука на коленях, а правая – на песке. На его пепельно-бледном лице выделялись маленькие лиловые пятна на щеках. Нэнси отметила синеватый оттенок закрытых век. И губы посинели, сказала она, а еще обратила внимание на распухшую шею. Волосы песочного цвета были короткими, но не настолько, чтобы не падать на лоб, с которого их откидывал ветер, когда дул, а в то утро дул он постоянно.

- Нэнси говорит: «Мистер, вы спите? Если вы спите, вам лучше проснуться».

- Джонни Грэвлин говорит: «Он не спит, Нэнси, и он не без сознания. Он не дышит».

- Позднее она говорила, что знала это, видела, но не хотела верить. Конечно, не хотела, бедняжка. И она говорит: «Может, все-таки дышит. Может, спит. Не всегда удается определить, дышит человек или нет. Тряхни его, Джонни, посмотри, вдруг проснется».

- Джонни не хотел прикасаться к нему, но и не хотел сдрейфить на глазах у подруги, поэтому протянул руку – для этого ему пришлось собрать волю в кулак, о чем он рассказал мне многие годы спустя, в «Бурунах», после того как мы пропустили по паре стаканчиков, – и потряс парня за плечо. Он сказал, что сразу понял, к чему прикоснулся: под рубашкой находилось не живое человеческое плечо, а словно вырубленное из дерева. Но он все равно потряс парня за плечо и сказал: «Проснись, мистер, проснись и... – Хотел добавить «встряхнись», но

подумал, что в данной ситуации это прозвучит не очень[8 - Целиком английская идиома выглядит как «wake up and die right», поэтому вторая часть, «умри правильно», звучит в данной ситуации не очень уместно.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Штат Попутного Ветра – неофициальное название штата Мэн – Здесь и далее примеч. пер.

2

Джек Спрэт и его жена – персонажи детской народной песенки, вошедшей в сборник «Стихи и песенки Матушки Гусыни».

3

«Сухие кости» – песня Джеймса Уэлдона Джонсона (1871–1938) в стиле спиричуэл.

4

«Чай для рулевого» – песня из одноименного альбома (1970) американского исполнителя Кэта Стивенса (р. 1948 г.).

5

Эту фразу приписывают французскому политику и дипломату Шарлю де Талейрану (1754–1838).

6

Лк. 2:19.

7

5,6 и 0 ?С, соответственно.

8

Целиком английская идиома выглядит как «wake up and die right», поэтому вторая часть, «умри правильно», звучит в данной ситуации не очень уместно.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/paren-iz-kolorado-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)